<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.17>

Полубояринова Лариса Николаевна, Кулишкина Ольга Николаевна,
Сидорченко Лариса Валентиновна

Томас Манн и Леопольд фон Захер-Мазох

Целью исследования выступает выявление одного скрытого претекста романа Т. Манна "Волшебная гора", каковым оказывается повествовательная проза Л. фон Захер-Мазоха. Научная новизна и актуальность статьи определяются как тем обстоятельством, что факт непосредственной генетической связи Манна и Мазоха до сих пор не был установлен, так и обострившимся в последнее время вниманием исследователей к интертекстуальным структурам у Т. Манна. Полученные результаты исследования позволяют по-новому интерпретировать важнейший элемент концовки "Волшебной горы" - итог отношений Ганса Касторпа и Клавдии Шоща.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/6/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 6. С. 101-105. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. Ризома [Электронный ресурс] // Постмодернизм: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. URL: <http://www.infolib.info/philos/postmod/risoma.html> (дата обращения: 10.02.2020).
8. Смирнова В. В. Дедал и Икар [Электронный ресурс]. URL: <https://shkolnaiapora.ru/literaturnoe-chtenie/mify-drevnej-grecii/dedal-i-ikar.html> (дата обращения: 12.02.2020).
9. Gair C. The Beat Generation: A Beginner's Guide. Oxford: Oneworld Publications, 2008. 162 p.

Desacralization of Religious and Mythological Motives in W. Burroughs's Novel "Naked Lunch" (by the Material of the Chapters "Lazarus Go Home", "Hassan's Rumpus Room" and "Campus of Interzone University")

Lipnyagova Svetlana Gennad'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Malinovskaya Ekaterina Andreevna
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev
lipnyagova@list.ru; hahhhs@gmail.com

The article considers religious and mythological images and motives in W. Burroughs's novel "Naked Lunch". The paper aims to trace processes of desacralization and transformation of the mentioned images and motives. The authors identify interrelation of the motives of resurrection and miracle-making with the motive of illness, a recurrent motive in Burroughs's creative work, ascertain the role of these motives at the ideological level and reveal their semantics. Postmodernist features of W. Burroughs's works are shown by the example of the novel, which constitutes scientific originality of the study.

Key words and phrases: foreign literature; the Beats; Beat literature; American literature; counterculture; post-modernism; poetics; body without organs; rhizome; W. Burroughs; G. Deleuze; F. Guattari.

УДК 821.112.2

Дата поступления рукописи: 15.04.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.17>

Целью исследования выступает выявление одного скрытого претекста романа Т. Манна «Волшебная гора», каковым оказывается повествовательная проза Л. фон Захер-Мазоха. *Научная новизна и актуальность статьи* определяются как тем обстоятельством, что факт непосредственной генетической связи Манна и Мазоха до сих пор не был установлен, так и обострившимся в последнее время вниманием исследователей к интертекстуальным структурам у Т. Манна. *Полученные результаты* исследования позволяют по-новому интерпретировать важнейший элемент концовки «Волшебной горы» – итог отношений Ганса Касторпа и Клавдии Шюша.

Ключевые слова и фразы: Томас Манн; Леопольд фон Захер-Мазох; литературные связи и влияния; aphrodisia; philia.

Полубояринова Лариса Николаевна, д. филол. н., проф.
Кулишкина Ольга Николаевна, д. филол. н., доц.
Сидорченко Лариса Валентиновна, д. филол. н., проф.
Санкт-Петербургский государственный университет
larpolub@hotmail.com; olgakulichkina@mail.ru; l.sidorchenko@spbu.ru

Томас Манн и Леопольд фон Захер-Мазох

В вышедшем в 2015 г. лексиконе творчества Томаса Манна (Thomas Mann, 1875-1955), одного из ярчайших представителей немецкой прозы XX века, отмечаются особая сложность и запутанность вопроса об интертекстуальных связях писателя, которые обнаруживаются подчас лишь в результате пристального всматривания в многослойный палимпсест, составившийся из многообразных цитат, аллюзий и топосов (так называемая «осколочная интертекстуальность», нем. "Splitterintertextualität"), многие из которых остаются и по сей день неидентифицированными [16, S. 344-347]. В данной связи конкретная *задача* настоящей статьи – анализ и интерпретация одной новеллы Л. фон Захер-Мазоха как возможного источника романа Т. Манна «Волшебная гора» – приобретает особую *актуальность*. Ориентируясь в качестве *теоретической базы* на инструментарий современных исследований интертекстуальности, мы находимся в русле новейшего манноведения [Ibidem, S. 349-352], в качестве *методологии исследования* мы опираемся на традиционный сравнительно-исторический анализ, неизбежно сопровождающий научное описание при выявлении генетических литературных связей и влияний. *Практическая значимость* представляемого исследования связана с уточнением историко-литературной картины XX века и расширением нашего представления о ней.

Будучи затронутым в исследованиях Й. Элсэйка, Х. Бёрдекин и Х. Рудлофа (подробнее см. об этом ниже), вопрос о связи Мазоха и Манна ставился до сих пор лишь в самом общем смысле и не касался текстовых совпадений манновского романа с конкретным текстом Мазоха. С данных совпадений и хотелось бы начать наши рассуждения. Приведем две цитаты.

«“Все-таки <я вас> знаю, – отвечал я, – мы часто бывали вместе и вели продолжительные разговоры”. – “Где? Ради всего на свете, скажите где?” – в волнении спросила она. “Во сне”. – “Во сне? И я видела вас во сне”. – “Каждую ночь?” – “Каждую ночь”» [2, с. 279].

«Будем сидеть и наблюдать точно во сне. Ведь для меня, нужно тебе сказать, все это как сон, вот так сидеть с тобой рядом, – *comme un rêve singulièrement profond, car il faut dormir très profondément pour rêver comme cela... Je veux dire: C’est un rêve bien connu, rêvé de tout temps, long, éternel, oui, être assis près toi comme à présent, voilà l’éternité*» [3, т. 3, с. 470].

В обоих случаях речь идет о диалоге, разворачивающемся между молодым немцем и молодой русской, которая, однако, несколько старше своего собеседника и опытной его – опытной уже в силу того, что она замужем и живет отдельно от мужа. Данному личному знакомству и общению двух героев предшествует в обоих случаях временной отрезок, в течение которого они неоднократно пересекаются в разного рода общественных местах, исподволь друг за другом наблюдая, мужчина при этом не упускает случая заочно навести справки о происхождении, семейном положении и образе жизни дамы.

Второй отрывок происходит из главы «Вальпургиева ночь» романа Томаса Манна «Волшебная гора» – из известного многостраничного любовного признания, вложенного в уста протагониста Ганса Касторпа, – признания, которое автор «заставляет» своего героя-немца произнести по-французски. В переводе В. Станевич данный отрывок звучит следующим образом:

«Будем сидеть и наблюдать точно во сне. Ведь для меня, нужно тебе сказать, все это как сон, вот так сидеть с тобой рядом, – *...как будто в глубоком сне вижу странные грезы... ведь надо спать глубоко и крепко, чтобы так грезить... Я хочу сказать, мне этот сон хорошо знаком, он снился мне всегда, долгий, вечный... да, сидеть вот так рядом с тобой – это вечность*» (курсив наш. – Л. П., О. К., Л. С.) [Там же].

(Когда читаешь перевод с французского, приходится согласиться с Х.-Ю. Геригком, который считает, что единственно только «остраняющая» маска французского языка спасла данное любовное признание от опасности превратиться в полнейший кич [8, S. 66].)

Первая цитата происходит из новеллы австрийского автора Леопольда фон Захер-Мазоха (Leopold von Sacher-Masoch, 1836-1895) «Любовь Платона» (“Die Liebe des Plato”), которая вышла в 1870 г. в составе сборника «Наследие Каина». Протагонист данной новеллы – двадцатилетний философски образованный австрийский помещичий сын из Галиции по имени Хенрик фон Тарнов – страшится и бежит женской любви по меньшей мере по двум причинам. Первая причина связана с его увлечением философией Артура Шопенгауэра, а именно с представлением о том, что в половой любви реализуется принцип *natura naturans* и тем самым – слепая воля. Соответственно, избегать женщин оказывается для Хенрика единственно возможным способом не дать этой слепой воле подчинить и инструментализировать себя как личность. Рассуждения героя на данную тему звучат и в самом деле как парафраза «Метафизики половой любви»:

«Я смотрю на женщину как на нечто враждебное. Существо ее, вполне чувственное, так же странно действует на меня, как и неодушевленная природа. Как та, так и другая – привлекательна и страшна... А женщина, чего ищет она, привлекая меня к своей груди? Как и самой природе, ей нужна моя душа, моя жизнь, для того, чтоб произвести новые существа и затем обречь меня на смерть» [2, с. 261-263].

Вторая причина – тоже философского, но уже «платоновского» происхождения, она соотносится с известной фразой Сократа из «Пира» о том, что «следует красоте духовной отдавать предпочтение перед красотой телесною» [4]. Задавшись вопросом: «Но существует ли на свете женщина, которая была бы способна на... *духовную любовь?*» [2, с. 269], Хенрик *ante rem* и *a priori*, не имея какого бы то ни было эротического опыта, отвечает на него отрицательно. Нет, женщин, способных к духовной любви, не существует. Соответственно, молодой герой, вполне оправдывая данную ему друзьями кличку Платон, проповедует отказ от половой любви и обращение к чистой и исключительно духовной мужской дружбе.

Поступив на военную службу, Хенрик оказывается вместе со своим полком в многонациональном городе Лемберге, столице габсбургской провинции Галиция, где знакомится с очаровательной богатой «молодой московиткой», русской княгиней по имени Надежда Багарева. Надежда начинает проявлять интерес к Хенрику и не скрывает своего благорасположения к нему. Хенрик также не остается нечувствительным к ее обаянию. Знакомство с русской красавицей заставляет его даже задуматься о неизбежности своих жизненных принципов, не отменяя, впрочем, общей мизогинной направленности его жизненной философии. Не будучи в состоянии отвернуть Хенрика от его «платоновской» убежденности в том, что женщины не способны к духовной любви, героиня решает переодеться мужчиной и заново свести знакомство с Хенриком, теперь под личиной якобы своего собственного брата Анатоля Багарева.

Ничего не подозревающий герой гораздо легче сходит с другом-мужчиной, в которого он даже впоследствии вполне недвусмысленно влюбляется, причем привлекают его как раз преимущественно феминные или андрогинные черты стройного, хрупкого, говорящего мягким женским голосом Анатоля. «Он не женщина, не мужчина или – и то и другое» [15, S. 71]. В отношениях пары друзей дело доходит даже до любовного объяснения: Хенрик бросается перед Анатодем на колени и целует ему руки. Когда же обман вскрывается и Анатоль разоблачается как Надежда, Хенрик чувствует себя обманутым и оскорбленным в своих «лучших чувствах». Его возмущенный монолог, обращенный к горько плачущей Надежде, интересен в том числе систематическим сползанием с «вы» на «ты» и вкраплением французских фраз (оба момента показательны также и для монолога Ганса Касторпа). Данная особенность, как и целый ряд других важных для нас деталей, не передана в русском переводе новеллы Мазоха, поэтому текст цитируется далее по оригиналу, в нашем переводе:

«...теперь я вижу, что ты всегда была не более чем женщиной, всего лишь пресыщенной женщиной, которая только о том и думала, как бы удовлетворить свой каприз и сделать так, чтобы было по-твоему,

женщиной, которая как паук притаилась в своей паутине, правда, слишком рано рванулась из нее за добычей – слишком рано – et c'est Malheur, Princesse, pour moi et pour Vous. – Je vois à présent que vous restez toujours femme – но женщину, обычную женщину я любить не могу» [Ibidem, S. 88-89].

В итоге будущее Хенрика оказывается не связано ни с гомо- ни с гетероэросом: оно ориентировано на реализованную утопию «подлинной мужской дружбы» [Ibidem, S. 92]. По выходе в отставку он отправляется в Венгрию, в поместье своего полкового приятеля Шустера, который разделяет его интерес к философии и к естественным наукам. Там и поселяются оба друга в двух небольших рядом расположенных одноэтажных домиках, «в контакте с природой и усердно предаваясь своим штудиям» [Ibidem, S. 93]. Мать Хенрика шутливо комментирует образ жизни сына: «Как два Диогена! Каждый в своей бочке, правда, бочки у них довольно комфортабельные» [Ibidem]. Таков сюжет новеллы Мазоха.

Данный текст, стоявший в первом издании непосредственно после «Венеры в мехах», представился современникам – не в последнюю очередь по причине его гомоэротических коннотаций – не менее «примечательным» (в скандальном смысле), нежели сам вышеупомянутый катехизис мазохизма. В позднейшей рецепции, однако, «Любовь Платона», как и некоторые другие концептуально значимые тексты Мазоха, полностью затмевается и перекрывается «Венерой в мехах», что проявляется в пониженном интересе к нему как со стороны издателей, так и со стороны литературоведов. После двух переизданий, имевших место на рубеже XIX-XX вв., текст выходит на немецком языке всего однажды – в 2001 г. (с малотиражным доизданием в 2012 г.) в небольшом гамбургском издательстве, специализирующемся на литературе для сексуальных меньшинств, – “MännerschwarmSkript”. Не особенно востребованной остается «Любовь Платона» также и у исследователей Захер-Мазоха.

О типологическом сходстве двух авторов в трактовке еврейских и женских образов, преимущественно на материале «Будденброков» и «Доктора Фаустуса», идет речь в работах Й. Элсэйка [7] и Х. Бёрдекин [6], при этом из наследия Захер-Мазоха привлекаются все та же «Венера в мехах» и – спорадически – сборник «Еврейские новеллы» (1877). Не менее показательны и исследования Х. Рудлофа, специально посвященные изучению мазоховских (преимущественно мазохистских) мотивов в творчестве Томаса Манна, в частности в «Волшебной горе» [13; 14]. «Любовь Платона» у Рудлофа даже не упоминается, хотя именно данная новелла дает не меньше, а гораздо больше оснований быть сопоставленной с «Волшебной горой», нежели «Венера в мехах», о которой преимущественно идет речь у данного исследователя.

В чем конкретно заключается наш тезис? Наряду с некоторыми точечными интерференциями, одна из которых приведена в начале статьи – беседа героев о якобы имевшей место их предшествующей встрече во сне, – хотелось бы выделить преимущественно три значимых момента, касающихся образного оформления фигуры, сидящей за «так называемым “хорошим” русским столом» [3, т. 3, с. 109], – Клавдии Шоша, элементы образности, которые с большой долей вероятности происходят из мазоховской «Любви Платона». Это, во-первых, внешность героини, во-вторых, ее фамилия – Шоша (Chauchat) и, в-третьих, ее «двоящаяся» гендерная идентичность. Представляется необходимым остановиться в дальнейшем на каждом из этих пунктов подробнее.

1. *Внешность* Клавдии Шоша, как известно, конструируется в «Волшебной горе» посредством стабильного набора признаков, повторяющихся в тексте в разных сочетаниях. Это, прежде всего, ее узкие раскосые азиатские, или «киргизские», глаза, ярко выраженные скулы и несколько приплюснутый нос (“eingedrückte Nase” [9, S. 402]). В «манноведении» принято возводить физиогномику Клавдии к конкретному прототипу – некой безымянной русской танцовщице «с раскосыми глазами», с которой Манн «шапочно» познакомился в пору работы над романом в июне 1920 г. и которую охарактеризовал в своем дневнике «настоящая мадам Шоша» [10, S. 236].

Черты лица Клавдии, однако, предвосхищает уже мазоховская Надежда: «На нежном лице одни только скулы... очерчены чуть более жестко и нос по форме скорее китайский, нежели греческий, но сколько очарования в этом умном, задорном монгольском носике...» [15, S. 41].

Во внешности мадам Шоша систематически акцентируются андрогинные черты: «Клавдия была не выше среднего роста, – Ганс Касторп считал, что такой рост для женщины самый естественный и привлекательный, – однако довольно длиннонога и в бедрах не широка», чуть ниже говорится о ее груди, которая была «не столь высокая и пышная, как у Маруси, а небольшая и почти девичья» [3, т. 3, с. 296]. Данные детали внешности героини предвосхищаются в описании мазоховской Надежды: «...ростом она невелика, без пышных форм, бюст, руки, плечи как у подростка... она молода, стройна, тонкого сложения...» [15, S. 41].

У Манна неоднократно упоминается «усталая» осанка Клавдии. Ср.: «Мадам Шоша сидела ссутулившись, вяло опустив плечи, к тому же вытянув вперед шею...» [3, т. 3, с. 174]. Данное качество выступает в романе знаком болезни героини (как и у всех остальных обитателей привилегированного санатория в Давосе, у нее диагностирован туберкулезный процесс в легких) и ее восточной «небрежности». Наблюдается отдаленное сходство с Надеждой, о которой в «Любви Платона» сказано: «Насколько очаровательной выглядит эта женщина, когда она, в возбуждении, о чем-то говорит, настолько же вялой смотрится она, когда ее лицо приобретает то фатальное выражение усталости, которое нынче считается модным» [15, S. 41].

Подытоживая, можно сказать, что обе героини репрезентируют в рамках показательной как для «Волшебной горы», так и для «Любви Платона» дихотомии «Запад – Восток» российскую или, как сказал бы Ларри Вульф, «изобретенную восточно-европейскую» чувственность [1], сочетающуюся с вялостью и пассивностью [17, S. 232].

2. *Имя*. Г. Вюслинг в своей интерпретации «Волшебной горы» выдвигает идею, что в имени героини зашифровано имя супруги Манна – Кати [18]. Более авторитетной, однако, считается иная версия, предложенная З. Тюрловым, который делает акцент на семантике французской фамилии героини – Chauchat «теплая

кошка» [17]. В самом деле, во внешнем контуре образа «крадущейся» небрежной русской в романе много от кошки, недаром гофрат Беренс так ее и величает – «кошечкой» [3, т. 4, с. 19].

В рамках сравнения с героиней Мазоха небезынтересным выглядит тот факт, что Надежда в «Любви Платона» на масленичный бал переодевается черной кошечкой, появившись «вся в черном атласе, в кошачьей маске, на руках подобие кошачьих лап из черного меха» [15, S. 64]. Героиня и ведет себя, подражая кошке, она отвечает на все обращенные к ней реплики Хенрика мяуканьем. Кошачье начало очевидно выступает в данном случае эмблематическим обозначением женской сексуальности. «Когда мы присели в зимнем саду в беседку... моя черная кошечка начала тихонько мурлыкать, нежно касаясь меня своими коготками, и потерялась головой о мою грудь – как есть, настоящая кошка!» [Ibidem, S. 65]. Клавдия тоже «мяучит», по крайней мере в восприятии гофрата Беренса: «Ну а по-французски или там по-немецки кошечка, правда, очень охотно мяукает, но писать – это не по ее части» [3, т. 4, с. 19].

3. *Двойная идентичность* Клавдии Шоша, в чертах которой Ганс Касторп, как ему кажется, узнает милое его сердцу лицо своего школьного товарища Пшибыслова Хиппе, предвосхищается двойной же идентичностью героини Захер-Мазоха. Надежда появляется перед протагонистом днем в женском платье, в сопровождении всей ауры женской привлекательности. И, напротив, в ходе мистических ночных встреч в эстетски стилизированной атмосфере она встречается с ним как способный к «духовной любви» его друг-мужчина по имени Анатолий.

Наиболее важный момент схождения двух произведений видится нам в том обстоятельстве, что обе любовные истории, в центре которых стоит бисексуально коннотированный протагонист, по сути, заканчиваются отказом от эроса как такового. На место *aphrodisia* как половой любви заступает – в подлинно платоновском смысле – дружеская *philia* (практически немотивированное затухание страсти Ганса к Клавдии к концу романа – один из моментов, давно отмеченных комментаторами и исследователями [11]).

Прямые свидетельства того, что Томас Манн читал Захер-Мазоха, практически отсутствуют. Тем не менее уже упоминавшийся Х. Рудлоф считает вполне вероятным предположение о знакомстве автора «Волшебной горы» с наследием австрийского автора. Как предполагает ученый, посредником (передаточным звеном) при обращении Манна к Мазоху мог выступить известный представитель венского модерна Герман Бар (Hermann Bahr, 1863-1934). Томас Манн в конце 1890-х гг. активно осваивает произведения Бара, среди которых (особенно в его эссеистике, например, в собрании эссе «Ренессанс» 1897 г.) были как прямые упоминания имени Захер-Мазоха, так и аллюзии на его творчество, в частности, мазохистский сценарий был использован Баром в его романе «Хорошая школа» (“Die gute Schule” (1890)), который Томас Манн знал и ценил.

Второй фигурой-посредником между Манном и Мазохом, как возможно предположить, выступает И. С. Тургенев, бывший образцом для подражания для обоих авторов. Захер-Мазоха современники называли «немецким Тургеневым», столь велико было сходство его творений с тургеневской прозой [5, с. 109-123]. Известно также многократно задокументированное позитивное отношение Манна к русскому классическому, о котором Манн в общем и целом высказывался 89 раз [8, S. 55]. Х.-Ю. Геригк в статье с показательным заглавием «Тургенев на пути к “Волшебной горе”» заявляет даже, что «так близко, как к поэтике Тургенева, Томас Манн не приближается к поэтике никакого другого русского автора» [Ibidem]. Среди ключевых моментов данного, как его называет Геригк, «избирательного сродства» двух авторов отмечаются интенсивная разработка темы музыки, «тоска по Италии», «внимательное отношение к оккультизму», «склонность к едкой сатире в характеристике внешности персонажей». Отдельно и особенно в данном наборе общих тем и мотивов двух авторов Геригк отмечает два момента. Первый – это важность для обоих авторов философии Шопенгауэра [Ibidem] (см. также: [12; 19]), последователем которой был также Захер-Мазох [5, с. 124-129]. И второй – это так называемая «поэтика реализованного мгновения»: «Тургеневу, как и Томасу Манну была близка перед задачей художественными средствами организовать субъективность как центр расколдованного мира, дать оправдание человеческого бытия только на основании возможности реализованного мгновения, на основании возможности реализованной иллюзии» [8, S. 65].

Одним из таких «мгновений», несомненно, выступает цитируемый выше французский монолог Ганса Касторпа, в конце которого звучит отказ от идеалов общественного прогресса ради и в пользу любви:

“Je m’en fisherais, je me fiche de tous ces Carducci et de la République éloquente et du progrès humain dans le temps, car je t’aime!” [3, т. 3, с. 472].

Убедительно звучит предположение Геригка относительно того, что подобные «мгновения иллюзии» – примеры эмоционального исступления протагониста-мужчины, сдающегося на милость и предающегося обожаемой им красавице, предвосхищены Тургеневым: Владимир в «Первой любви», стоящий на коленях перед Зинаидой, Литвинов – перед Ириной в «Дыме», Санин – перед Полозовой в «Вешних водах». Важной деталью, иконологически завершающей сцены подобного типа у Тургенева, выступает (властный) жест женщины, касающейся волос стоящего перед нею на коленях мужчины. Клавдия воспроизводит похожий жест по отношению к Гансу Касторпу: «Она осторожно погладила его по коротко остриженным волосам на затылке» [Там же, с. 482]. Подобным же образом «означивает» свою власть над Северином Ванда в «Венере в мехах». Надежда в образе Анатолия хотя и не касается волос полностью подчинившегося ей Хенрика, но не может сдержать торжества, мелькнувшего в ее глазах:

«А я – я лежал в это мгновение у его (т.е. Анатолия, читай Надежды. – Л. П., О. К., Л. С.) ног и покрывал его руки поцелуями, я весь пылал, дрожал. Но тут искорка триумфа блеснула в гордых голубых глазах» [15, S. 86]. «Мгновение иллюзии» грозит обернуться любовным рабством. Осознание данной опасности заставляет героя опомниться: «Это привело меня в чувство. Я встал и сел за рояль» [Ibidem].

Именно момент отрезвления героя, его сознательного отказа от сексуализированной aphrodisia в пользу платоновской и платонической philia и представляется наиболее важной чертой, «трансферированной» Манном из малоизвестного мазоховского текста, – более важной, нежели представленное выше сходство отдельных мотивов. Данная черта, взятая как тенденция, намечающаяся в тексте, объясняет, в частности, заметное затухание страсти Ганса к Клавдии в конце, несколько обескураживающее читателей романа, а также бросает вполне определенный свет на присутствующее в предпоследнем предложении заключительной главы (Finis operis) указание на рождающуюся в сознании Ганса «мечту о любви» (“ein Traum von der Liebe” [9, S. 984]) – мечту, по-видимому, ориентированную в большей мере на мазоховско-платоновскую philia, нежели на традиционное aphrodisia любовной пары.

Подводя итог проведенному анализу, хотелось бы отметить принципиальную контекстуальную значимость последних рассуждений и их методологический потенциал. С очевидностью частные выводы о связи «Волшебной горы» с «Любовью Платона» не только уточняют в текстологическом плане список источников манновского романа и вносят вклад в изучение «русских» образов и мотивов в литературах Запада, но также позволяют сделать **вывод** о двух важных «очагах» возрождения интереса к платоновскому конфликту aphrodisia и philia (соответственно, у Мазоха и Манна) в литературе Новейшего времени. Выявленная близость иконического оформления ситуаций «реализованного мгновения» (Геригк) у Манна, Мазоха и Тургенева позволяет говорить о возможном расширении темы генетической связи и типологической близости трех авторов, с привлечением к анализу других текстов названных писателей.

Список источников

1. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
2. Захер-Мазох Л. фон. Любовь Платона // Захер-Мазох Л. фон. Демонические женщины: роман; повести; рассказы. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 247-312.
3. Манн Т. Волшебная гора / пер. В. Курелла, В. Станевич // Манн Т. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1959. Т. 3. 500 с.; Т. 4. 543 с.
4. Платон. Пир [Электронный ресурс] / пер. С. Жебелева. URL: http://lib.ru/POEEAST/PLATO/platon1_1.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 10.04.2020).
5. Полубоярнинова Л. Н. Леопольд фон Захер-Мазох – австрийский писатель эпохи реализма. СПб.: Наука, 2006. 646 с.
6. Burdekin H. The ambivalent author: Five German writers and their Jewish characters. 1848-1914. Oxford – Berlin – Frankfurt a. M.: Lang, 2002. 338 p.
7. Elsaghe Y. Gynophobia and Anti-republicanism in Thomas Mann's Doctor Faustus // Neophilologus. 2015. Vol. 99. № 3. P. 465-475.
8. Gerigk H.-J. Turgenev unterwegs zum “Zauberberg” // Thomas Mann Jahrbuch. 1995. Bd. 8. S. 53-69.
9. Mann Th. Der Zauberberg: ein Roman. Frankfurt a. M.: Fischer, 1997. 1002 S.
10. Mann Th. Tagebücher: in 22 Bd. 2. Aufl. Frankfurt a. M.: Fischer, 1981. Bd. 9. 1918-1921. 907 S.
11. Max K. Der Zauberberg // Thomas Mann Handbuch. Leben, Werk, Wirkung / hrsg. von A. Blödmann, F. Marx. Stuttgart: Metzler, 2015. S. 32-42.
12. McLaughlin S. Schopenhauer in Rußland: zur literarischen Rezeption bei Turgenev. Wiesbaden: Harrassowitz, 1984. 209 S.
13. Rudloff H. Gregor Samsa und seine Brüder: Kafka – Sacher-Masoch – Thomas Mann. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1997. 101 S.
14. Rudloff H. Pelzdamen: Weiblichkeitsbilder bei Th. Mann und L. von Sacher-Masoch. Frankfurt a. M.: Fischer, 1994. 176 S.
15. Sacher-Masoch L. von. Die Liebe des Plato. Hamburg: MännerschwarmSkript Verlag, 2001. 114 S.
16. Thomas Mann Handbuch. Leben, Werk, Wirkung / hrsg. von A. Blödmann, F. Marx. Stuttgart: Metzler, 2015. 425 S.
17. Tyroff S. Namen bei Thomas Mann in den Erzählungen und den Romanen “Buddenbrooks”, “Königliche Hoheit”, “Der Zauberberg”. Bern: Lang, 1975. 299 S.
18. Wysling H. Probleme der “Zauberberg”-Interpretation // Wysling H. Ausgewählte Aufsätze. 1963-1995. Frankfurt a. M.: Klostermann, 1996. S. 231-248.
19. Wysling H. Schopenhauer-Leser Thomas Mann // Wysling H. Ausgewählte Aufsätze. 1963-1995. Frankfurt a. M.: Klostermann, 1996. S. 65-88.

Thomas Mann and Leopold von Sacher-Masoch

Poluboyarinova Larisa Nikolaevna, Doctor in Philology, Professor
 Kulishkina Ol'ga Nikolaevna, Doctor in Philology, Associate Professor
 Sidorchenko Larisa Valentinovna, Doctor in Philology, Professor
 Saint Petersburg University
larpolub@hotmail.com; olgakulishkina@mail.ru; l.sidorchenko@spbu.ru

The paper aims to identify hidden pre-text of T. Mann's novel “The Magic Mountain”, which turns out to be L. von Sacher-Masoch's narrative prose. Novelty of the study is in the fact that genetic connection between Mann and Masoch has not been ascertained yet; and recently researchers have been paying closer attention to T. Mann's intertextual structures. The attained results make it possible to give a new interpretation to the most important ending element of “The Magic Mountain” – the result of the relationship between Hans Castorp and Clawdia Chauchat.

Key words and phrases: Thomas Mann; Leopold von Sacher-Masoch; literary connections and influences; aphrodisia; philia.